

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

УДК 343.1

Марина Александровна ГАЛИМОВА,
начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск); доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института Сибирского федерального университета (г. Красноярск), кандидат юридических наук
marina_bestujeva@mail.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

ON THE ISSUE OF LEGAL REGULATION OF CONCILIATION PROCEDURES IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Автор рассматривает отдельные аспекты, касающиеся возможности применения медиативных процедур в сфере уголовного судопроизводства; анализируются различные точки зрения относительно сущности, содержания и сферы распространения уголовно-процессуальной медиации; исследуется содержание законопроектов, направленных на использование медиации в уголовно-процессуальной деятельности. Также в статье дается понятие уголовно-правового конфликта, содержание его разрешения как элемента системы восстановительного правосудия.

The author considers certain aspects, related to application possibility of mediation procedures in criminal proceedings; various points of view regarding the essence, content and proliferation spheres of criminal procedure of mediation are analyzed. The article examines the content of draft laws aimed at using mediation in criminal proceedings. The article also gives the concept of criminal law conflict and the content of conflict resolution as an element of the restorative justice system.

Ключевые слова: институт примирения, примирительные процедуры, примиритель, медиация, разрешение конфликтов.

Keywords: institute for reconciliation, conciliation procedure, mediator, mediation, resolution of conflicts.

Одним из актуальных вопросов современного уголовного судопроизводства является поиск и совершенствование эффективных механизмов и способов разрешения уголовно-правовых конфликтов. Под уголовно-правовым (криминальным) конфликтом следует понимать правовой спор, возникающий в результате совершенного противоправного деяния, между лицом, со-

вершившим преступление (подозреваемым, обвиняемым, подсудимым), государством (в лице органов и должностных лиц, осуществляющих расследование и разрешение уголовного дела) и лицом, потерпевшим от преступления.

При этом разрешение криминального конфликта включает в себя не только (и не столько) привлечение к уголовной ответст-

венности и наказание лица, совершившего противоправное деяние, а в большей мере примирение сторон этого конфликта с целью восстановления нормального порядка, существовавшего до совершения преступления, восстановления прав и удовлетворения интересов потерпевшей стороны, а также исправления и ресоциализации лица, совершившего деяние. Такое понимание сущности разрешения уголовно-правового конфликта лежит в основе концепции восстановительного правосудия.

Теоретическая модель восстановительного правосудия (восстановительной юстиции, реституционного правосудия, репаративного правосудия) противопоставляется традиционному «карательному» правосудию. Концепция восстановительного правосудия, которая базируется на идеях примирения, компромисса и альтернативных способов разрешения криминального спора, получила теоретическое закрепление в 80-е годы прошлого столетия [7]. Однако истоки идеи восстановительного правосудия сформировались значительно раньше и «восходят к традиции неюридизированного понимания справедливости, когда вразумление оступившихся и разрешение криминальных конфликтов осуществлялись в рамках локальных общностей путем примирения или достижения соглашения» [8, с. 15].

Вопросы восстановительного правосудия и применения медиации в уголовном процессе получили мощную теоретическую поддержку (А.А. Арутюнян, Л.А. Воскобитова, Л.В. Головкин, Л.М. Карнозова, С.Г. Келина, Р.Р. Максудов, Д.В. Маткина, И.Л. Петрухин, Н.Г. Стойко, М.Г. Флямер и др.). При этом особый акцент возможности и необходимости реализации восстановительного правосудия в сфере ювенальной юстиции является предметом исследования в трудах О.Н. Ведерниковой, Г.Н. Ветровой, И.А. Кузнецовой, Э.Б. Мельниковой, Н.В. Щедрина, В.В. Юркова и др.

Расширение примирительных форм разрешения криминальных конфликтов в полной мере соответствует международным стандартам отправления правосудия. К таковым можно отнести Венскую декларацию 2000 г. о преступности и правосудии: ответы

на вызовы XXI века (принята на Десятом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, г. Вена, 10-17 апреля 2000 г.), Декларацию основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г. (принята Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 г.) [10, с. 165-168], Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила) (приняты Резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. [10, с. 284-306], Рекомендацию Комитета министров Совета Европы N R (87) 18 от 17 сентября 1987 г. «Относительно упрощения уголовного правосудия» [11, с. 116-122], Рекомендацию Комитета министров Совета Европы N R (85) 11 «О положении потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» [11, с. 114-116], Рекомендацию Комитета министров Совета Европы N R (99) 19 «О медиации в уголовных делах» (вместе с «Пояснительным меморандумом»), принятую 15 сентября 1999 г. на 679-ом заседании представителей министров), Основные принципы применения программ реституционного правосудия в вопросах уголовного правосудия, утвержденные Резолюцией Экономического и Социального Совета ООН 2002/12 от 24 июля 2002 г. (документ опубликован не был, текст взят с официального сайта ООН <http://goo.gl/xS0WJ>). Все международные документы указывают на необходимость внедрения восстановительных технологий в уголовный процесс, исходя из необходимости дифференцированного подхода к рассмотрению и разрешению уголовных дел различных категорий, ориентируют на необходимость максимального обеспечения прав и интересов лиц, пострадавших от преступлений, стимулируют внедрение примирительных процедур в уголовное судопроизводство [1, с. 3-4].

Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов, являющиеся основой восстановительного правосудия, достаточно активно используются в зарубежном уголовном процессе. В качестве примера можно привести полицейское предупре-

ждение (Германия), штраф по соглашению (Франция), фискальный штраф (Бельгия), отказ от уголовного преследования под условием (Нидерланды) и другие. Однако наибольшее распространение в этом направлении получил институт медиации в различных его интерпретациях относительно непосредственного наполнения и субъекта применения (суд, полиция, прокурор).

В международном праве под посредничеством (медиацией) в сфере уголовной юстиции понимается «любой процесс, в ходе которого потерпевший и обвиняемый имеют возможность, если они выражают на это свободное согласие, активно участвовать в разрешении вопросов, связанных с преступлением, с помощью беспристрастной третьей стороны (посредника)»¹. Также определены общие принципы уголовно-процессуальной медиации: добровольность, конфиденциальность, общедоступность, возможность проведения медиации на любой стадии процесса, достаточная самостоятельность посредника в системе судопроизводства.

В российском уголовном процессе в настоящее время одним из действенных способов урегулирования правовых споров является комплексный межотраслевой институт примирения сторон, который существует в плоскости как материального, так и процессуального права. Под примирением сторон следует понимать соглашение между сторонами спора (конфликта), систему взаимных уступок, на основании которых регулируются взаимоотношения этих сторон путем установления их прав и обязанностей. В реализации примирительных процедур большое значение играет посредничество (медиация²).

Использование посреднических услуг для достижения примирения сторон конфликта в

российской правовой системе имеет давнюю историю и широко применяется для разрешения споров в сфере семейных, жилищных, земельных, трудовых, обязательственных, наследственных отношений, имеет большой потенциал в сфере административных и уголовно-правовых отношений. Сравнительно недавно была укреплена нормативная база медиации³.

Вопросы расширения сферы деятельности института медиации, его использование в повышении эффективности примирения получили статус государственного задания⁴. В 2016 г. в рамках деятельности межрегиональной общественной организацией «Центр "Судебно-правовая реформа"» был подготовлен проект Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» (авторы С.А. Пашин, Р.Р. Максудов).

В проекте в качестве гарантий реализации возможности примирения сторон, в частности, устанавливались следующие нормы:

- примирение провозглашалось правом сторон и разновидностью смягчающего наказание обстоятельства;
- примирительный договор укреплялся властью суда, который вправе возложить на условно осужденного соответствующие обязанности; нарушение этих обязанностей может послужить основанием для продления испытательного срока или отмены условного осуждения с исполнением назначенного приговором суда наказания;
- право следователя, дознавателя, суда приостановить производство по делу для обеспечения сторонам возможности примирения;
- законодательное закрепление основных прав и обязанностей медиатора, предостав-

1 Рекомендация N R(99)19 Комитета министров Совета Европы «По посредничеству в уголовных делах».

2 Медиация (от лат. Mediatio – посредник) – посредничество, содействие третьей стороны в мирном разрешении споров. Словарь иностранных слов современного русского языка / под ред. Т.В. Егоровой. М.: Аделант, 2014. С. 517.

3 Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» создал правовые условия для развития в России альтернативных судебным (юрисдикционным) способов урегулирования правовых конфликтов при участии независимых лиц (медиаторов), определил сферы применения указанной процедуры, установил юридические последствия ее использования.

4 Напр.: Концепция развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 N 1430-р; Перечень поручений Президента Российской Федерации от 06.10.2017 N Пр-2042.

ление ему статуса специалиста и иммунитета от дачи показаний, нарушающих конфиденциальность процедуры медиации;

– обязательность приобщения к материалам уголовного дела по ходатайству стороны примирительного договора и других документов, подтверждающих факт примирения сторон;

– расширение круга случаев, когда потерпевший вправе участвовать в судебном заседании в стадии исполнения приговора.

В конечном итоге предлагалось дополнить УПК РФ самостоятельной главой «Примирение сторон» [4, с. 15-22].

Параллельно с ним в июле 2017 г. Правительством Российской Федерации был внесен проект федерального закона «О внесении изменений в УПК РФ в связи с реализацией Концепции развития сети служб медиации до 2017 года в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации» (URL: <http://regulation.gov.ru/projects#npra=69576>). В этом законопроекте предусматривалось введение процессуальной фигуры примирителя на стадии досудебного и судебного производства с предоставлением ему необходимого объема полномочий. Была затронута сфера дружественного к ребенку правосудия, так как несовершеннолетний, в силу несложившейся психики входящий в категорию лиц, чьи права особо охраняются государством, нуждается в правильной ресоциализации после совершения преступления и, соответственно, исключении наказания, способного негативно повлиять на его дальнейшую жизнь, а также вовлечение всех сторон, чьи интересы были затронуты общественно опасным деянием, в процесс заглаживания вины в целях восстановления прав признано приоритетным [5, с. 26-29]. По мнению разработчиков, предлагаемые изменения направлены на минимизацию последствий общественно

опасного деяния, совершенного несовершеннолетним.

Однако указанный законопроект не получил должной поддержки ни со стороны общественности, ни со стороны государства [5, с. 26-29]. Это было обусловлено тем, что роль специалиста (примирителя), который должен быть приглашен для организации и проведения примирительных встреч между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим и содействия им в выработке условий их примирения, не была четко определена и, соответственно, не были даны требования, которые должны к нему предъявляться, а отсылка в тексте законопроекта к Федеральному закону от 27 июля 2010 г. N 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» не является корректной.

Рассмотренный нами ранее проект Федерального закона «О внесении изменений в УК РФ и УПК РФ для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» прошел апробацию¹ и обсуждение с Минюстом России, советом судей Российской Федерации, различными общественными формированиями. По итогам проведенной работы межрегиональной общественной организацией «Центр "Судебно-правовая реформа" совместно с Постоянной комиссией по гражданскому участию в судебной реформе Совета при президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека был подготовлен новый законопроект и в конце 2019 года направлен для обсуждения научной общественности России, в том числе в федеральные университеты России.

Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения», по мнению авторов, разработан в целях гуманизации уголовного судопроизводства и совершенствования форм ответа на преступление, предусмотрен-

1 Научная конференция «Проблемы и перспективы развития института медиации в России» (организована Комитетом гражданских инициатив совместно с Институтом проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, г. Москва, 2016); Круглый стол по теме «Реформа института медиации. Переагрузка альтернативного решения споров» (организована проектом «Комфортная правовая среда», г. Москва, 2016).

ных законами российского демократического правового государства. Предполагается, что принцип неотвратимости наказания будет в большей степени, чем сегодня, дополнен правовыми возможностями урегулирования конфликта между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим без применения мер государственного принуждения либо с минимальным их использованием. Должны быть поощрены раскаяние подозреваемого и обвиняемого, его стремление принять на себя не только имущественную, но и моральную ответственность за причиненный пострадавшему вред. В законопроекте признаются любые правомерные средства достижения согласия между сторонами, однако предпочтение отдается медиации – посредничеству между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим. Специально подготовленный примиритель организует примирительную встречу между обидчиком и пострадавшим, способствует достижению между ними взаимоприемлемых договоренностей и в конечном счете их примирению (пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения»).

Безусловно, законопроект, представленный для обсуждения научной общественности России, является актуальным и заслуживающим поддержки. Распространение модели восстановительного правосудия в сферу уголовного судопроизводства является закономерным шагом после внедрения таких процедур в гражданский и арбитражный процесс. Более того, в России уже есть определенный опыт взаимодействия социальных служб с судами в ряде регионов России по делам несовершеннолетних (Пермский край, Москва, Тюмень, Новосибирск, Казань, Петрозаводск и др.).

Вместе с тем специфика уголовного судопроизводства выражается в том, что в его рамках формально невозможно применение аналогии с частноправовыми отношениями. Публичный интерес, являющийся объектом преступного посягательства, не предполагает абсолютной дискреции потерпевшего. Про-

цессуальная роль потерпевшего обладает особенностями, которые исключают возможность полной передачи ему функции обвинения. В связи с этим урегулирование уголовно-процессуальных примирительных процедур в целом и отдельных проблемных моментов медиации в частности может и должно быть урегулировано только на законодательном уровне. Изложенное обуславливает высокие требования к законопроекту об использовании примирительных (медиативных) процедур при производстве по уголовному делу в части как содержания, так и юридической техники.

Так, рассматриваемый законопроект оставляет открытым вопрос относительно синхронизации предлагаемого института медиации и действующего института примирения сторон (ст. 25 УПК РФ), сферы его распространения в части категории совершенных преступлений; не в полной мере определен процессуальный статус примирителя, круг лиц, которые могут выступать примирителем, требования, предъявляемые к ним; предмет примирительного договора (соглашения); отсутствуют гарантии его исполнения, не установлены виды примирительных процедур и т.п.

При обсуждении законопроекта рассматривались вопросы, касающиеся разграничения действия ст. 25 УПК РФ и вновь вводимых примирительных процедур. В связи с этим высказывались различные идеи, порой противоположные по смыслу: от расширения действия ст. 25 УПК РФ до ее полного упразднения [4, с. 22].

С последней точкой зрения категорически нельзя согласиться, поскольку прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) исторически обусловлено для российского уголовного процесса. Эта форма института уголовно-процессуального примирения выступает проявлением гуманизации уголовного судопроизводства, является уже действующим элементом восстановительного правосудия и достаточно эффективно действует на практике. Кроме того, в настоящий момент это единственный институт уголовного судопроизводства, при использовании которого потерпевший в пол-

ной мере может реализовать свои процессуальные права относительно хода расследования и разрешения уголовного дела.

В новейшей истории российского права достаточно много примеров, когда отменяемый по различным причинам правовой институт через некоторое время вновь возвращался законодателем в сферу правового регулирования.

Так, Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ гуманная и эффективная, по мнению ученых и практиков [3, с. 121], мера уголовного наказания – конфискация имущества – была исключена из системы наказаний. Специальная конфискация как вид наказания в полной мере соответствовала международным стандартам¹, имела глубокие исторические корни, широко поддерживалась учеными. Противниками отмены конфискации имущества и сторонниками ее сохранения в УК РФ выступали В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Лунеев, Т.В. Непомнящая, А.И. Коробеев и др. Через 2,5 года норма о конфискации имущества была возвращена в уголовное законодательство², но в урезанном и искаженном виде. Эти изменения в уголовный закон (введение новой главы 15.1 УК РФ) были приняты исследователями неоднозначно.

Еще пример: в советской правовой системе около 40 лет действовал административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, нормативной основой которого являлось Положение об административном надзоре органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1966 г. N 5364-VI. Выступая элементом сложившейся в советском законодательстве системы мер безопасности (В.И. Горобцов), данный институт эффективно использовался правоприменителем, в том числе в качестве средства предупреждения рецидива престу-

плений. Административный надзор являлся актуальной мерой, поскольку с ним связывали возможность усиления превентивных начал уголовной ответственности, особенно когда карательные меры не дали желаемого результата (В.И. Зубков, О.В. Филимонов, В.М. Хомич). Фактически институт административного надзора органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, перестал действовать в 1993 г., когда был отменен один из элементов правовой основы обеспечения правомерного поведения поднадзорных лиц (ст. 198.2 УК РСФСР), а формально этот институт утратил силу в 2009 г. [2, с. 10-15]. Одной из причин отмены этого института стала «безоглядная демократизация» российского законодательства, когда под девизом недопустимости нарушения прав человека из сферы правовых средств борьбы с преступностью исключались «антидемократические», «карательные» институты, которые с этой преступностью, в том числе рецидивной, реально боролись, сдерживали ее.

И вновь по прошествии двух лет в российскую правовую систему был возвращен институт административного надзора (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. N 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»), который был модернизирован в части названия, субъектов применения и процедуры назначения, однако его сущность, содержание и задачи остались прежними. Подобных примеров можно привести достаточно большое количество.

Вряд ли следует согласиться с точкой зрения, согласно которой возможности медиации в уголовном процессе ограничены действующим институтом примирения (ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ) [5, с. 26-29].

В связи с этим необходимо четко продумать синхронизацию исследуемых примирительных процедур и существующего основания прекращения уголовного дела

1 В системе международного уголовного права на сегодняшний день могут быть применены 12 видов наказания, среди которых ученые называют и конфискацию имущества [9, с. 159].

2 Федеральный закон от 27.06.2006 N 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. N 31 (ч. 1). Ст. 3452. С. 10.

(уголовного преследования) в связи с примирением сторон (ст. 25 УПК РФ) с тем, чтобы потенциал этих правовых средств действовал в полной мере, согласованно, дополняя друг друга.

Для этих целей интересен подход, предложенный А.А. Давлетовым и Д.А. Братчиковым, по мнению которых кроме дел, прекращаемых за примирением сторон, в уголовном процессе есть значительный круг дел, по которым обвиняемый и потерпевший вступают в переговоры с целью достижения определенного компромисса. Выделение этой категории дел обусловлено наличием такого смягчающего наказание обстоятельства, как «добровольное возмещение имущественного ущерба и морального вреда, причиненных в результате преступления, иные действия, направленные на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему» (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Данное обстоятельство выступает в качестве ключевого для стороны защиты при соблюдении ряда условий: а) расследуемое преступление не относится к категориям небольшой или средней тяжести, т.е. дело не может быть прекращено за примирением сторон; б) по делу имеется потерпевший (физическое или юридическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный ущерб или моральный вред); в) обвиняемый признает свою вину в совершении преступления. В такой ситуации адвокат-защитник ориентирует обвиняемого на заглаживание вреда, причиненного потерпевшему преступлением, с целью смягчения позиции потерпевшего. Для этого стороны вступают в переговоры, фактически такие же, как и по «примиренческим» делам. Обвиняемый предлагает возместить причиненный ущерб при условии, что потерпевший не заявит гражданский иск и займет в судебном заседании благоприятную для подсудимого позицию, например, будет просить суд о максимальном снижении наказания [6, с. 168-171]. Учитывая, что процесс поиска компромисса между обвиняемым и потерпевшим в настоящее

время в УПК РФ не урегулирован, он также может стать областью применения медиации.

Есть еще один разряд уголовных дел, по которым обвиняемый и потерпевший на законных основаниях самостоятельно регулируют взаимные требования. Это дела, рассматриваемые в порядке гл. 40 УПК РФ при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением. Обязательным условием этого особого производства является согласие потерпевшего (ч. 1 ст. 314 УПК РФ). Такое волеизъявление потерпевший высказывает, как правило, в том случае, если ущерб, причиненный преступлением, ему возмещен [6, с. 171-175].

Современный уголовно-процессуальный закон кроме сферы действия института примирения сторон допускает переговоры с целью сглаживания уголовно-правового конфликта по значительному количеству уголовных дел с целью в том числе смягчения наказания виновному в связи с возмещением потерпевшему ущерба от преступления. Эти уголовные дела могут выступать той необходимой основой, на которой возможна регламентация процедуры медиации в уголовном судопроизводстве.

Все вышеизложенное никоим образом не умаляет важности и значимости законодательных предложений распространения примирительных процедур на сферу уголовного судопроизводства, а напротив, свидетельствует об их актуальности, необходимости дальнейшей теоретической проработки и практической апробации.

Внедрение продуманных и детально разработанных примирительных процедур не только в отношении несовершеннолетних, но и в целом в российский уголовный процесс будет способствовать восстановлению прав потерпевшего и послужит закономерной предпосылкой как быстрого разрешения уголовно-правового конфликта, так и обеспечения возмещения вреда, причиненного потерпевшему.

Библиографический список

1. Арутюнян, А.А. Медиация в уголовном процессе / А.А. Арутюнян. – М.: ИнфотропикМедиа, 2013.
2. Астахова, А.О. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: проблемы применения и пути решения : монография / А.О. Астахова. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2018.
3. Буркина, О.А. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции / О.А. Буркина, А.А. Устинов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 2.
4. Гаврицкий, А.В. Возможности медиации в уголовном процессе / А.В. Гаврицкий, М.М. Коблева // Мировой судья. – 2019. – № 7.
5. Давлетов, А.А. Проблема применения медиации в уголовном процессе России / А.А. Давлетов, Д.А. Братчиков // Российский юридический журнал. – 2014. – № 5.
6. Зер, Х. Восстановительное правосудие: новый взгляд на преступление и наказание / Х. Зер. – М.: МОО «Центр «Судебно-правовая реформа», 2002.
7. Карнозова, Л. Восстановительное правосудие: идеи и перспективы для России / Л. Карнозова, Р. Максудов, М. Флямер // Российская юстиция. – 2000. – № 11.
8. Международные акты о правах человека : сборник документов. – М., 1999.
9. Международное уголовное право : учебник А.В. Наумов и др. – М.: Юрайт, 2014.
10. Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации для обеспечения потерпевшему, подозреваемому, обвиняемому возможности примирения» // Прецеденты и позиции. – 2016. – № 5. – С. 15-22.
11. Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. – М.: СПАРК, 1998.